

Профсоюзный проект «Память во имя жизни»

Номинация «Как это было...»

Работа учителя русского языка и литературы МБОУ СОШ №169 Дзержинского района г.
Новосибирска
Самсоновой Ольги Дмитриевны.

Очерк

Бабушкины руки

У моей бабушки были маленькие руки. С детства удивляло и умиляло меня, как она такими маленькими и нежными руками управлялась по хозяйству, ловко готовила еду, пряла шерсть долгими зимними вечерами, вязала внукам и правнукам носки и варежки. Никогда ее руки не знали покоя. Вроде бы и дела не было порой, самое время отдохнуть – так нет! – обязательно найдет себе занятие – примется носки штопать или гречку от шелухи перебирать...

Такая же беспокойная была у нее и душа. Только душа была – большая, очень большая, переполненная вниманием и состраданием к ближнему. Впрочем, этим отличались многие люди того поколения, пережившие мировые потрясения и вынесшие на своих плечах такое, что нашему поколению и представить-то сложно. Бывало, сядем мы вечером перед телевизором – хоть и скучно было нам, детям, смотреть программу «Время», да деваться было некуда, у стариков наших был обязательный ритуал – «вечерняя политинформация» - так на бабушку без боли смотреть было невозможно...

Все ее волновало: и война во Вьетнаме, и письмо маленькой американской девочки Саманты Смит нашему президенту Горбачеву, и извержения вулканов в дальних тропических странах. Как своё переживала она любое чужое горе, расстраивалась, обескуражено покачивала головой и приговаривала: «Что же делается-то опять такое...» Видимо, чем больше личных невзгод видел человек на своем веку, тем ближе ему становятся боли и горести людские, тем меньше и меньше остается в его душе места для равнодушия. В бабушке не было его ни капли.

Родилась она, маленькая Фрося Довженко, в украинском селе Людвиновка в Винницкой волости (ныне Житомирская область). Села такого теперь нет, ни на карте, ни на земле. Хорошо ли, плохо ли жили они в том краю спелых слив и яблок с матушкой Ганной Андреевной и отцом Есипом Марковичем, знатным сапожником, с сестрой Тасей и пятью братьями: Сергеем, Николаем, Петром, Кузьмой и Михаилом – уже неизвестно, знаем только, что в 1932 году настал в этом благодатном краю страшный голод. По документальным сведениям, опубликованным только в 90-х годах двадцатого столетия, мы теперь знаем, что унес этот период более шести миллионов жизней на территории, охватывающей всю Украину, Поволжье, часть Казахстана и весь Северный Кавказ. Никто в семье не рассказывал и о том, как добиралась их семья в 1933-м году до родственников, уже тогда проживавших в Сибири, но в дальнем пути погибли от голода

младшие дети - Петро, Михаил и Демьян. Остальные добрались до Бердска, а потом и до деревни Чупино (ныне Искитимского района нашей области). Там уже давно, со времен дореволюционных реформ по заселению Сибирского края, проживали бывшие земляки и дальние родственники украинцев. Семья Довженко остановилась у дядьки отца, Кузьмы Довженко. Недолго они жили в «примаках», вскоре отстроились и отделились. Сергей и Фрося начали ходить в школу, что располагалась в соседнем селе Бородавкино, за семь километров от Чупино. Подросли со временем и малыши – Тася и Коленька. У Фроси уже и школа была позади – обязательные четыре класса. Подумывала о семилетке – больно уж хотелось работать в новеньком клубе, сама была певунья, плясунья знатная, но приходилось пока семье помогать, на полях работать. А тут и война началась. Великая. Отечественная.

В июне 1941 года было бабушке моей всего 16 лет. Горестно смотрела она, как уходили из Чупино на войну мужчины, сначала призывного возраста – молодые и зрелые, потом, к осени ближе, ушли и остальные – старики и юноши. Остались в селе только бабы, дети и немощные старики. Ей ли – молодой девчонке с характером и золотыми руками было оставаться в стороне от всенародной беды? И села Фрося за руль трактора. Смышленная девушка освоила профессию тракториста быстро, работала ловко, с необыкновенной выносливостью, удивляя сельчан тем, что на сон хватало ей трех часов в сутки... А после и другие девчата потянулись за ней. Так стала Фрося Довженко бригадиром колхозной тракторной бригады. А в декабре 1941 года исполнилось ей 17 лет...

В наше время девчонки в 17 лет – еще несовершеннолетние девочки. Иную родители не решаются отпустить учиться в соседний город – маленькая еще. А тут... Иногда задаешься вопросом, разве можно в такие-то года нести на себе бремя непосильного труда и фактически государственной ответственности за урожай – перед законами военного времени, перед партией, перед Родиной? Но... другое было время, другие были и люди. Бабушка не считала свой труд в годы войны каким-либо подвигом. Просто она знала слово «НАДО». На все вопросы так и отвечала: «Так было надо, деточки...» Был ли у нее выбор?

И только один раз, как-то на семейном торжестве, когда разгар веселья уже прошел, и когда дед наш, Михаил Васильевич, подпив изрядно, вдруг не торопясь душевно разговорился, узнали мы такую историю...

Во время посевной весной 1942 года одна из девочек-трактористок, работая на утренней заре, в четыре часа утра, незаметно для себя уснула за рулем, и трактор съехал в овраг. (А надо сказать, что деревня Чупино расположена среди овражистой местности, пересекают ее земли три оврага – мягкий и пологий Сухая речка, менее пологий, заросший клубникой по склонам овраг Калманка, и круто обрывающийся по склонам Медвежий овраг, в котором бьют минеральные источники.) Так вот съехал трактор в Калманку, а глубина этой Калманки не менее метров десяти, и вытянуть на тропе трактор никакой возможности не было.

Что делать? Плачет девчонка-трактористка – виновата. Теперь под суд ее (комсомолку!) отдадут по законам военного времени за порчу колхозной техники.

Подумала тут молодая «бригадирша» Фросечка, да и остановила посевную, отправила девчонок в деревню, по домам стучать, поднимать оставшихся стариков. Так – всем миром – до зари успели сельчане разобрать тот трактор на запчасти, вынести их на себе из оврага и собрать «железного коня» заново. Когда солнышко встало и по дорогам запыхали машины строгих проверяющих, все чупинские трактора работали на поле в полную силу. А историю эту еще долгие годы сельчане не рассказывали ни в миру, ни в пиру, ни друг дружке. Время было такое...

Долго не рассказывали нам родственники и о том, что довелось бабушке и под судом побывать, и в исправительном лагере по приговору суда поработать. А дело было так: как пошла война на убыль, погнали фашистов к границе нашей страны, так и на душе посветлело – скоро войне конец! А тут работницу Фросю стал переманивать к себе соседний совхоз Степной. Директор его так и уговаривал, мол, за деньги работать можно, не за трудовни, да и ходить до совхоза совсем недалеко, километра три, через Сухую речку... Вот и поддалась наша ударница на уговоры, сбежала, променяла родной Чупинский колхоз на совместное хозяйство крупного села Степное.

Разгорелся скандал между руководством. Рассерженный председатель колхоза увез «дезертиршу» в Бердск, где и состоялся суд по законам военного времени. И отправили уже взрослую, сознательную, восемнадцатилетнюю «предательницу Родины» в Бердский лагерь, где нужно было, отбывая срок, работать на заводе, производившем гранаты для фронта. Закусив губу работала Фрося три месяца, сжигал ее тягучий стыд, злилась на саму себя, потому и подруг по несчастью там не заводила... Потом перебросили заключенных из Бердска в Томск, куда эвакуировали военный завод – дезертиры рыли там котлован под фундамент, в любых погодных условиях, под дождем, под снегом – прямо на старом дореволюционном кладбище, где почему-то разместили завод... Долго не могла забыть Фрося, как приходилось им выкапывать и выбрасывать гробы. Там-то, в Томске, и потеряла она веру в Бога. Так и сказала себе: «Был бы Он на небе – Он бы такого не допустил...»

Закончился ее срок внезапно. Забрал ее из лагеря по весне все тот же председатель колхоза – посевная кампания началась, куда же без бригадира? Простили Фросю, приняли назад. Правда, трудовых наград, столь заслуженных ею в годы войны, так она и не получила... Их никто не получил – все тогда работали на полях... Долго еще работала Фрося на тракторе и после войны, потом пересела на комбайн, потом на зернотокую трудилась.

В январе 1945 года состоялась свадьба Фроси и Миши Гуненко, односельчанина, одноклассника, инвалида войны. А в ноябре они уже радовались рождению своего первенца – Дмитрия, моего отца. После появились у них еще два сына и две дочери, но это совсем другая история...

Прожила моя бабушка 88 лет, пережив мужа и двоих детей. Трижды атаковал ее жестокий инсульт, но каждый раз она поднималась с постели, и горе было тому, кто пытался покормить ее с ложки или помыть за нею посуду – мычала грозно, скручивала сердитые кулачки... Все - сама!

Я любила целовать ее руки. Теплые, маленькие. Она сама была небольшого

ростика, меньше полутора метров, а к старости вообще высохла, стала миниатюрной, легонькой. Последние свои годы жила она с нами, в семье моего отца. А похоронили ее в Чупино, на кладбище, где лежат все наши украинцы, и те, кто погиб в гражданскую, и те, кто умер от ран после Великой Отечественной – все там.

Редко я бываю в тех краях. Но когда выдается такой случай, люблю прогуляться в полях между Калманкой и Медвежьим оврагом. Может, земля еще помнит трудолюбивые руки девчат-трактористок? Бабушкины руки? Мне иной раз искренне хочется поцеловать эту землю... Мы уйдем, а она сама и весь труд, вложенный в нее – останутся здесь навсегда. Потому она такая теплая, и такая родная – наша земля...

Гуненко Ефросинья Иосифовна (Есиповна).
1924 – 2012.